

Содержание

Введение 18 мая 1985 года	11
---------------------------------	----

Часть первая

Глава 1 КГБ	17
Глава 2 Дядюшка Гормссон	41
Глава 3 Солнечный Лучик	64
Глава 4 Зеленые чернила и микропенки	89
Глава 5 Полиэтиленовая сумка и батончик Mars	122
Глава 6 Агент Бут	152

Часть вторая

Глава 7 Явочная квартира	175
Глава 8 Операция “РЯН”	200
Глава 9 Коба	225
Глава 10 Мистер Коллинз и миссис Тэтчер	245
Глава 11 Русская рулетка	278

Часть третья

Глава 12	Игра в кошки-мышки	311
Глава 13	“Проверщик”	343
Глава 14	Пятница, 19 июля	375
Глава 15	“Финляндия”	405

Эпилог

Глава 16	Паспорт для Пимлико	433
	<i>Кодовые имена и прозвища</i>	459
	<i>Благодарности</i>	461
	<i>Избранная библиография</i>	463
	<i>Ссылки на источники</i>	467
	<i>Источники иллюстраций</i>	473
	<i>Указатель</i>	475

Часть первая

Глава 1

КГБ

Олег Гордиевский родился внутри КГБ. КГБ его выпестовал, обласкал, вывихнул, искалечил и едва не уничтожил. Советская разведслужба глубоко вошла в его сердце, была растворена в его крови. Его отец всю жизнь работал на разведку и каждый день, включая выходные, носил кагэбэшную форму. Гордиевские жили среди собратьев-шпионов, в доме, населенном одними кагэбэшниками, ели особую еду, какую выдавали офицерам КГБ, и в свободное от работы время общались тоже с семьями других разведчиков. Словом, Гордиевский был сыном КГБ.

КГБ — Комитет государственной безопасности — был самым сложным и самым разветвленным разведывательным ведомством, какое когда-либо существовало. Прямой наследник созданной Сталиным шпионской сети, он занимался сбором одновременно и внутренних, и внешних разведанных, обеспечивая внутреннюю безопасность и играя роль государственной полиции. Деспотичный, загадочный и вездесущий, КГБ проникал во все измерения советской жизни и контролировал их. Он искоренял несогласие среди граждан страны, охранял руководство коммунистической партии, проводил разведывательные и контрразведывательные операции против враждебных государств и запугивал народы СССР, держа их в униженном подчиненном положении. Он вербовал агентов и внедрял шпи-

онов по всему миру, добывал, покупал и выкрадывал военные, политические и научные секреты везде и повсюду. В пору своей наивысшей мощи, насчитывая более миллиона сотрудников, агентов и осведомителей, КГБ влиял на советское общество гораздо глубже, чем какие-либо другие учреждения.

Для Запада эта аббревиатура была синонимом внутреннего террора и внешней агрессии и подрывной деятельности, сокращенным наименованием всей жестокости тоталитарной системы, сосредоточенной в руках безликой официальной мафии. Совсем иначе относились к КГБ те, кто жил под его неусыпным присмотром. Конечно, он внушал страх и повинование, но он вызывал и восхищение — как своего рода преторианская гвардия, как оплот против западного империализма и капиталистической агрессии, как страж коммунизма. Принадлежность к этой элитарной и привилегированной силе была предметом поклонения и гордости. Те, кто поступал служить в органы госбезопасности, оставались там пожизненно. “Бывших сотрудников КГБ не бывает”, — сказал однажды бывший сотрудник КГБ Владимир Путин. Это был клуб для избранных, войти в него было очень трудно, а выйти — невозможно. Вступление в ряды КГБ считалось честью и долгом для тех, кто был наделен особыми талантами и честолюбием.

Олег Гордиевский никогда всерьез не задумывался ни о какой другой карьере.

Его отец, Антон Лаврентьевич Гордиевский, сын рабочего-железнодорожника, был учителем, а после 1917 года сделался убежденным коммунистом, беспрекословно преданным идеям революции и готовым непреклонно воплощать их в жизнь. “Партия была для него богом”, — напишет о нем позже сын. Старший Гордиевский ни разу не дрогнул в своей верности партийному делу — даже когда партия потребовала от него участия в чудовищных преступлениях. В 1932 году он помогал принудительно “советизировать” Казахстан, организуя экспроприацию у крестьян продовольствия, которое отбирали, чтобы кормить Красную армию и советские города. В итоге разразился мас-

совый голод, от которого погибло около полутора миллионов человек. Антон Гордиевский вблизи видел ужасы голодомора, искусственно устроенного государством. В том же году он поступил на службу госбезопасности, а затем в НКВД — Народный комиссариат внутренних дел, тайную полицию Сталина и предтечу КГБ. Как сотрудник политического отдела, он отвечал за политическую дисциплину и идеологический инструктаж. Антон женился на 24-летней Ольге Николаевне Горновой, работавшей статистиком, и супруги вселились в московский многоэтажный дом, отведенный для семей разведывательной элиты. В 1932 году у них родился первенец — Василий. При Сталине Гордиевские благоденствовали.

Когда товарищ Сталин объявил, что революции угрожает смертельная опасность изнутри, Антон Гордиевский оказался готов к борьбе с изменниками родины. Большая чистка 1936–1938 годов обернулась массовым уничтожением “врагов государства” — мнимых представителей “пятой колонны” и тайных троцкистов, террористов и саботажников, шпионов-контрреволюционеров. Это были партийные и правительственные чиновники, крестьяне, евреи, учителя, военачальники, интеллигенты, поляки, красноармейцы и многие другие. Большинство схваченных людей были совершенно невиновны. В созданном Сталиным параноидальном полицейском государстве самым надежным способом уцелеть стало доноительство. “Лучше пусть пострадают десять невинных людей, чем один шпион ускользнет от расплаты, — сказал как-то глава НКВД Николай Ежов. — Лес рубят — щепки летят”. Осведомители стучали, истязатели и палачи вершили свое дело, а сибирские лагеря заполнялись до отказа. Но, как бывает после всякой революции, исполнители государственной воли тоже неизбежно попадали под подозрение. Следствия и чистки начались внутри самого НКВД. В разгар террора многоэтажный дом, где жила семья Гордиевских, в течение полугода подвергался обыскам больше десяти раз. Аресты происходили по ночам: первым уводили главу семьи, потом исчезали остальные.

Вполне возможно, что некоторых из этих “врагов государства” помогал выявлять Антон Гордиевский. “НКВД всегда прав”, — говорил он, и это суждение было одновременно и совершенно разумным, и полностью ошибочным.

Второй сын, Олег Антонович Гордиевский, родился 10 октября 1938 года, когда большой террор начинал понемногу утихать и уже нависало предчувствие войны. В глазах друзей и соседей Гордиевские были идеальными советскими гражданами: идейно чистые, преданные партии и государству, а теперь еще и родители двух крепких сыновей. Через семь лет после Олега родилась дочь Марина. Гордиевские были сытыми, привилегированными и надежными людьми.

Но при ближайшем рассмотрении можно было бы заметить и трещинки в фасаде их семейного здания, и наслоения обмана, скрытые под гладкой поверхностью. Антон Гордиевский никогда не говорил о том, что он делал в годы массового голода, молчал о чистках и о терроре. Старший Гордиевский был наглядным образцом вида *Homo sovieticus* — покорного слуги государства, сформировавшегося под воздействием коммунистических репрессий. Но где-то в глубине его души засел ужас, и, возможно, его мучило чувство вины. Позднее Олег назовет своего отца “напуганным человеком”.

Ольга Гордиевская, мать Олега, была менее податлива. Она никогда не вступала в партию и не верила в непогрешимость НКВД. У ее отца коммунисты отобрали водяную мельницу, ее брата сослали в сибирские лагеря за то, что он ругал колхозы, и многие ее друзья пропали, став жертвами ночных арестов. В ней брал верх врожденный крестьянский здравый смысл, она чутьем понимала непредсказуемость и мстительность государственного террора, но держала рот на замке.

Олег и Василий, который был старше брата на шесть лет, росли в военное время. Одним из самых ранних воспоминаний Гордиевского стали шеренги оборванных немецких пленнх, которых вели по улицам Москвы “под охраной, загнанных, как

скотину”. Антона подолгу не было дома — он проводил в армейских частях партийно-идеологическую работу.

Олег Гордиевский прилежно овладевал азами коммунистического учения. Он пошел в школу №130 и рано проявил склонность к истории и языкам. Он знакомился с судьбами героев-коммунистов — и отечественных, и зарубежных. Несмотря на плотную завесу дезинформации, окутывавшую Запад, его очень привлекали чужие страны. В шестилетнем возрасте он начал читать пропагандистский еженедельник *British Ally* — “Британский союзник”, который выпускало на русском языке британское посольство, чтобы способствовать взаимопониманию между СССР и Великобританией. В школе Олег учил немецкий язык. Как и полагалось всем подросткам, он вступил в комсомол.

Его отец приносил домой три официальных газеты и сам фонтанировал той коммунистической пропагандой, которая там печаталась. НКВД со временем превратился в КГБ, и Антон Гордиевский продолжал верно служить в переименованном ведомстве. Мать Олега оказывала тихое сопротивление, которое лишь изредка прорывалось наружу короткими желчными замечаниями, бросавшимися в сторону. При советской власти религия оказалась вне закона, и мальчиков воспитывали атеистами, но бабушка со стороны матери умудрилась тайно крестить Василия в Русской православной церкви. Она крестила бы и Олега, если бы ей не помешал Антон, который случайно обо всем узнал и ужаснулся.

Олег Гордиевский рос в сплоченной, любящей семье, проникнутой двуличием. Антон Гордиевский свято чтит партию и провозглашал себя бесстрашным поборником коммунизма, но в душе оставался маленьким и насмерть перепуганным человеком, которому довелось стать свидетелем ужасных событий. Ольга Гордиевская, идеальная жена кагэбешника, скрывала презрение и неприязнь к советскому строю. Бабушка Олега тайно поклонялась незаконному, запрещенному властью Богу. Никто из взрослых в семье не открывал своих истинных чувств — ни друг другу, ни кому-либо еще. В душливо конформистской

атмосфере сталинской России можно было втайне вынашивать инакомыслие, но говорить об этом начистоту было слишком опасно — даже в семейном кругу. С раннего детства Олег видел, что вполне можно вести двойную жизнь — любить своих близких и одновременно скрывать от них свое истинное “я”, представляться внешне одним человеком, а внутри оставаться совсем другим.

Олег Гордиевский окончил школу с серебряной медалью. Он был комсомольским вожаком, сведущим, умным, спортивным, не задающим лишних вопросов и ничем не примечательным юношей — типичным продуктом советской системы. Но еще он научился отделять главное от всего остального и раскладывать все по полочкам. Его отец, мать и бабушка были людьми скрытными и умели маскироваться — каждый на свой лад. Юный Гордиевский вырос среди секретов.

В 1953 году умер Сталин. Через три года, на XX съезде партии, его преемник Никита Хрущев разоблачил злодеяния тирана. Для Антона Гордиевского это стало большим ударом. По мнению его сына, официальное осуждение Сталина “в значительной степени подорвало идейные и философские основы его жизни”. Гордиевскому-старшему не понравилось, в какую сторону стала меняться Россия. Гордиевский-младший, напротив, перемены оценил.

Хрущевская оттепель оказалась короткой и неполной, и все же в этот период подлинной либерализации произошло ослабление цензуры, вышли на свободу тысячи политзаключенных. От вольного духа того времени закружилась голова у всех русских, кто был молод и полон надежд.

В 17 лет Олег поступил в престижный Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Там, опьяненный новой атмосферой, он вступал со сверстниками в серьезные дискуссии о том, как строить “социализм с человеческим лицом”. Порой он заходил чересчур далеко. Похоже, он глубоко впитал материнский нонконформизм. Однажды он сочинил наивную речь о защите свободы и демо-

кратии, хотя едва ли понимал по-настоящему смысл этих слов. Олег записал ее на пленку в лингафонном кабинете и дал послушать нескольким студентам. Те пришли в ужас. “Уничтожь это сейчас же, Олег, и никогда больше не упоминай о таких вещах”. Тогда он тоже внезапно испугался и подумал: а вдруг кто-то из однокурсников уже настучал властям о его “радикальных” взглядах? Ведь у КГБ имелись внутри института свои осведомители.

Пределы хрущевского реформаторства были жестко продемонстрированы в 1956 году, когда советские танки въехали в Венгрию, чтобы подавить восстание против местного просоветского режима, вспыхнувшее по всей стране. Несмотря на тотальную советскую цензуру и пропаганду, новости о крахе мятежа просачивались в СССР. “Все тепло куда-то сдуло, — вспоминал потом Олег тогдашнее закручивание гаек. — Опять пришла стужа”.

Московский государственный институт международных отношений был самым престижным в СССР высшим учебным заведением — Генри Киссинджер называл его “русским Гарвардом”. Подчинявшийся Министерству иностранных дел институт был масштабным учебным полигоном для будущих дипломатов, ученых, экономистов, политиков — и шпионов. Гордиевский изучал историю, географию, экономику и международные отношения, причем все это — сквозь искажающую призму коммунистической идеологии. Обучение в институте велось на пятидесяти шести языках — такого не было больше ни в одном университете мира. Владение языками прокладывало верную дорогу в КГБ и сулило зарубежные поездки, которые так манили Олега. Уже хорошо зная немецкий язык, он записался на английский, но группы оказались переполнены. “Учи шведский, — посоветовал ему старший брат, уже служивший в КГБ. — Это ключ от всей Скандинавии”. Гордиевский внял его совету.

В институтской библиотеке имелись некоторые иностранные газеты и журналы, которые, пускай и проходили жесткую

цензуру, все же позволяли хоть мельком ознакомиться с происходящим в мире. Их-то Гордиевский и начал читать, стараясь делать это незаметно, потому что проявление чрезмерного интереса к Западу само по себе давало повод для подозрений. По ночам он иногда тайком слушал зарубежное вещание *BBC* или “Голос Америки”, силясь что-то разобрать за радиопомехами (глушилки были одной из форм советской цензуры), и пытался напасть на “первые слабые следы правды”.

Как это свойственно всем людям, в позднейшие годы Гордиевский смотрел на собственное прошлое сквозь призму обретенного опыта, и потому ему представлялось, будто он всегда втайне вынашивал семена неповиновения, будто его судьба была изначально заложена в его характере. Это было не так. В студенческие годы он был убежденным коммунистом и мечтал, по примеру отца и брата, служить Советскому государству в КГБ. Венгерское восстание сильно подействовало на его юношеское воображение, но революционером он от этого не сделался. “Я оставался внутри системы, но разочарование во мне росло”. В этом он мало чем отличался от множества тогдашних студентов.

В 19 лет Гордиевский занялся бегом по пересеченной местности. Что-то в этом одиночном виде спорта притягивало его — особый ритм длительных физических усилий, возможность поспорить с самим собой вдали от чужих взглядов, испытать пределы собственной выносливости. Олег бывал и общительным, нравился девушкам и сам умел флиртовать. Он был хорош собой: открытое лицо с довольно мягкими чертами, зачесанные назад волосы. В минуты покоя выражение его лица приобретало суровость, но когда в глазах загорался мрачный юмор, все лицо вдруг оживало. С друзьями Олег держался вполне по-компанейски, и все же чувствовалась в нем какая-то скрытность. Он не был одиночкой или нелюдимом, но любил побыть в одиночестве. Он редко обнаруживал свои чувства. Одержимый тягой к самосовершенствованию, Олег считал, что бег по пересеченной местности помогает “вырабатывать характер”. И бегал ча-

сами по московским улицам и паркам — наедине со своими мыслями.

Среди немногих студентов, с которыми он по-настоящему сблизился, был Станислав Каплан, его товарищ по бегу из институтской легкоатлетической команды. Станда Каплан был чехом и уже успел поучиться в Карловом университете в Праге. В МГИМО он приехал в составе группы из нескольких сотен одаренных студентов из социалистического лагеря. Спустя много лет Гордиевский писал про Каплана, что, как и у других молодых людей из стран, лишь недавно впряженных в коммунистическое ярмо, “личность в нем не была задавлена”. Станислав был на год старше Олега и учился на военного переводчика. Юношей сблизила общность многих склонностей и идей. “Он свободно мыслил и весьма скептически относился к коммунизму”, — писал Гордиевский, которого в те годы способность Каплана открыто высказывать свои мнения и восхищала, и немного настораживала. Станда, смуглый красавец, притягивал женщин, как магнит. Они с Олегом крепко подружились, вместе бегали, вместе ухаживали за девушками и вместе ходили в чешский ресторан недалеко от Парка имени Горького.

Не менее важное влияние оказывал на Олега его обожаемый старший брат Василий, который в ту пору готовился стать нелегалом и примкнуть к огромной рассредоточенной армии негласных агентов нелегальной разведки, каких Советский Союз внедрял по всему миру.

КГБ держал в других странах шпионов двух видов. Первые работали под официальным прикрытием — сотрудниками советских дипломатических или консульских учреждений, культурными или военными атташе, аккредитованными журналистами или торговыми представителями. Дипломатическое прикрытие означало, что этих “легальных” разведчиков нельзя было преследовать за шпионаж, если вдруг их деятельность обнаруживалась. Такого человека можно было только объявить персона нон грата и выслать из страны. Нелегал же не имел никакого официального статуса, обычно он въезжал в ту страну, куда

его заслали, под подложным именем с фальшивыми документами — а затем просто сливался с местной средой. (На Западе для засекреченных оперативников существует аббревиатура *NOC*, расшифровывающаяся как *non-official cover*, “без официального прикрытия”.) КГБ внедрял нелегалов по всему миру, где они притворялись самыми обыкновенными гражданами, залегали на дно и втихаря вели подрывную деятельность. Как и легальные разведчики, они собирали информацию, вербовали агентов и занимались различными видами шпионажа. Иногда им отводилась роль “спящих” разведчиков — то есть они подолгу сидели без дела, ожидая момента, когда их задействуют. К ним относилась и потенциальная “пятая колонна”, готовая вступить в бой, если вдруг разразится война между Востоком и Западом. Нелегалы находились вне поля действия официального радара и потому не получали такого финансирования, которое оставляло бы заметные следы, и ни с кем не общались по надежным дипломатическим каналам. Зато, в отличие от шпионов, аккредитованных при посольствах, они не оставляли таких следов, по которым их могла бы выследить контрразведка противника. При каждом советском посольстве КГБ имел свою постоянную резидентуру, то есть ряд сотрудников КГБ облакался различными официальными личинами, и все они подчинялись резиденту (начальнику резидентуры, как выражались в МИ-6, или руководителю, как предпочитали говорить в ЦРУ). Одна из задач, стоявших перед западной контрразведкой, заключалась в том, чтобы выяснить: кто из советских чиновников — настоящий дипломат, а кто — тайный шпион. Выявлять нелегалов было гораздо труднее.

Первое главное управление (ПГУ) было подразделением КГБ, отвечавшим за внешнюю разведку. Внутри него имелось Управление “С” (от слова “специальное”), занимавшееся подготовкой, отправкой и курированием нелегалов. Василий Гордиевский официально поступил в Управление “С” в 1960 году.

У КГБ имелся свой отдел в МГИМО, и двое его сотрудников постоянно высматривали среди студентов подходящие

кандидатуры для вербовки. В разговоре со своим начальством в Управлении “С” Василий упомянул однажды, что его младшего брата, очень способного к языкам, тоже может заинтересовать подобная работа.

В начале 1961 года Олега Гордиевского пригласили для разговора, а затем перенаправили в здание неподалеку от штаба КГБ на площади Дзержинского*. Там с ним вежливо побеседовала по-немецки женщина средних лет. Она похвалила его за хорошее владение языком. С того дня он и влился в ряды системы. Гордиевский не пытался пробиться в КГБ — это не такой клуб, куда подаются заявки на вступление. Этот клуб сам выбирал своих членов.

Ближе к окончанию учебы в институте Гордиевского отправили в Восточный Берлин на полугодовую стажировку в качестве переводчика при советском посольстве. Уже одна мысль о предстоящей первой поездке за рубеж завораживала Олега, а когда его вызвали в Управление “С” для инструктажа по Восточной Германии, его буквально заколотило от возбуждения. Германская Демократическая Республика, во главе которой стояли коммунисты, была сателлитом СССР, но это отнюдь не избавляло ее от пристального внимания КГБ. Василий уже жил там нелегалом. Олег легко согласился встретиться с братом и выполнить несколько “маленьких поручений” для своего нового, пока неофициального работодателя. Гордиевский прибыл в Восточный Берлин 12 августа 1961 года и поехал в студенческое общежитие, находившееся внутри кагэбэшной зоны в Карлсхорсте, на берлинской окраине.

В предыдущие месяцы поток жителей Восточной Германии, бежавших на Запад через Западный Берлин, обрел характер стихийного бедствия. К 1961 году массовый исход немцев из страны, где утвердился коммунистический режим, достиг пика: количество беглецов насчитывало 3,5 миллиона, что составляло приблизительно 20 процентов от всего населения ГДР.

* Лубянская площадь с 1926 по 1990 год. (Здесь и далее – прим. пер.)